

АННА
ВЛАДИМИРОВА

ВО ВЛАСТИ ЗВЕРЯ

на острие рассвета

Хищники Клоуенса

Анна Владимировна

Во власти зверя

«Автор»

2022

Владими́рова А.

Во власти зверя / А. Владимирова — «Автор»,
2022 — (Хищники Клоуенса)

Я была готова на все, чтобы он меня спас... Но никогда бы не подумала, что
цена окажется настолько высокой...

© Владимирова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Владимирова

Во власти зверя

Пролог

Я проснулась от холода. С трудом разлепив глаза, осознала, что все тело болит. Спину саднит, а кое-где печет и колет... от веток, на которых я лежала?! Тряхнув волосами, я зажмурилась и с трудом вздохнула глубже.

Что, черт возьми, происходит? Где я?

Сфокусировать взгляд было непросто. Только начало светать. Я лежала под какими-то раскидистыми кустами, спиной прижавшись к холодным кирпичам забора, и дрожала. Дыхание срывалось, сердце набирало обороты. Как я тут оказалась, если точно помню, что засыпала дома?

Звуки внешнего мира вкрадчиво сменяли звон в ушах. И самый громкий – шум двигателя – подкинул меня на месте. Стоило трудов никуда не дернуться, а только сжаться в комок. Хлопнули двери, раздались шаги и механический треск.

– Я нашел ее.

Хруст сухой листвы под чужими ногами выключил все мысли в голове. Животный страх завладел мной полностью и разогнал сердце так, что, казалось, оно бросится бежать впереди меня. Я взвилась из кустов и кинулась вдоль незнакомого забора. Оказалось, что он примыкал к лесу – повезло. Но когда я уже рванулась в сторону колючих кустов, до меня донесся крик:

– Робин, подождите! Все в порядке! Ваши родители вас ищут! Стойте!

Ноги запнулись за какую-то лиану, я взвизгнула и скатилась кубарем в кусты – только и успела закрыть голову и зажмуриться. Когда до меня добежал полицейский, я жалко стонала от боли и стыда.

– Мисс Райт, – официально позвал мужчину в форме, присаживаясь рядом. Он быстро снял с себя куртку и, подхватив меня под руку, помог сесть. – Дайте вас осмотреть...

Когда я сжалась под его курткой, он схватился за рацию:

– Медиков сюда! Нет, в сознании...

Меня прощупывали и осмотрели, докладывая в рацию о состоянии, а я не чувствовала ничего, кроме слез, льющихся по щекам.

– Что случилось? – раздалось вдруг ударом грома в моей Вселенной.

Я всхлипнула и съежилась, переставая дышать. Все показалось каким-то дурным сном. Может, мне что-то подсыпали, и теперь я брежу? А может, заболела, и у меня жар? Как еще объяснить то, что из-за спины полицейского вышел он – причина всех моих душевных болей. Что он тут делал?!

– Рэндольф Сазерленд, – представился он полицейскому, не собираясь меня узнавать.

Еще бы – наши отношения были тайной. Но ведь не до такой степени, чтобы смотреть на меня вот так безразлично, когда я в таком виде? Или... да?

– Девушка пропала ночью, – нехотя доложил офицер. – Я обнаружил ее у вашего дома...

Он еще что-то объяснял, а я уже не слушала. Взгляд медленно скользнул сначала по равнодушному лицу любимого мужчины, потом по забору его дома... и наполнился влагой. К счастью... Потому что видеть это все сил больше не было.

Я приперлась к его дому ночью, чтобы униженно скрутиться под его забором. Еще бы он смотрел по-другому...

Где-то вдалеке взвыли сирены, и тело налилось свинцом. Адреналин перестал фонтанировать в венах, и в букет боли душевной медленно вплеталась боль физическая, раскрывая мне все прелести моего положения.

– ...С ней все будет хорошо? – донеслось до меня.

Вокруг уже сновали врачи. Меня погрузили на носилки и накрыли одеялом, но мне все еще казалось, что я там же – голым задом на земле, нашпигованной ветками. Рэн смотрел на меня все также незнакомо и безразлично, будто мне все приснилось – наши тайные встречи, страсть, его обещания... и неожиданная просьба больше не звонить.

– Простите, вся информация только для членов семьи, – отбрила врач, и между нами захлопнулись двери машины «скорой помощи».

Глава 1

– Прошу...

Мне кивнули в сторону выхода из допросной. Только в Клоуенсе можно было почувствовать себя одновременно свободным и загнанным в клетку. Преодолеть омерзение в этот раз было острее. Рука сжалась на сумке так, что пальцы побелели. Но я молча закинул ее за плечо и шагнул к дверям.

Я дома.

* * *

– ...Ах, да, Тутси с параллельной улицы вышла замуж. Ты маленький водил ее в садик за ручку, помнишь?... – мама схватилась за чайник – непременно прозрачный – и плеснула мне в едва опустевшую чашку.

Мы сидели на веранде нашего-ее дома. Раннее утро топило улочку с одноэтажными домами в промозглой тишине. Только-только сошел первый снег вместе с ошметками краски на перилах. Под вечно-зелеными пальмами насыпало горсти шелухи от цветов, листьев и прочего, чем эти растения регулярно мусорили в эпицентре своего существования. Кажется, они завалят все же забор своими стволами в этом году. Но говорить маме о том, что с такими «соседями» стоит попрощаться, бесполезно. Она любила эти подарки от подруги с юга, и уничтожить плоды этой дружбы для нее – неподъемное предательство.

Я засмотрелся на чайник, а сам снова выпал в недавнее прошлое. Мы вот так же с Лали любили пить чай на ее веранде. И пусть чайник не был прозрачным – меня не интересовало, что она в нем заваривает.

– Джастис?...

Я моргнул и перевел взгляд на мать. Она, к счастью, совсем не изменилась, и приступ чувства вины, что бросаю ее постоянно, можно было отложить. Красивая она у меня... особенно глаза. Наверное, я искал кого-то, похожего на нее. Вика только была полной противоположностью, а вот Лали...

– ...Ты будто где-то не здесь, – заглянула она в мои глаза. – Что случилось, милый? У тебя проблемы?

А вот теперь глаза ее наполнились беспокойством. Она заправила прядь за ухо, чтобы ветер не полоскал ее на ветру и не мешал смотреть мне в лицо.

– Нет, мам.

– Скажи мне правду, пожалуйста, – не поверила она.

– Мам, у меня нет проблем...

– Джастис, я же все понимаю, и это не может продолжаться вечно! Ты с твоей работой за границей...

– Мам, работа ни при чем. – Мне пришлось напрячься, чтобы заставить себя вдохновиться на более убедительный довод. – Клоуенсу нужен мой опыт. Все, о чем они пекутся, чтобы я сцедил его им весь. И ничего не получил взамен. В наказание. Ничего другого не предвидится.

– Тогда что?...

Я поежился на весеннем ветру – совсем уж непривычно для такого, как я. Вот что ей сказать? Правду? Будет переживать...

– Мам... я просто устал.

– А правду? – даже не задумалась она.

И я усмехнулся.

– Люблю тебя.

– Это прекрасно, – улыбнулась она. – Но хотелось бы другую правду.

– Я выбрал неправильную женщину.

Снова.

– Вот как... – нахмурилась она.

– Да...

– И чем она неправильная?

– Она чужая, – улыбнулся я. – На тебя чем-то похожа...

Мама улыбнулась:

– Ну неужели такая уж и неправильная?

Я вздохнул:

– Смотря с какой стороны посмотреть.

Сам при этом посмотрел в чашку с чаем. На ее поверхности как раз кружили две чайники... Красиво так кружили, завораживающе... Только откуда-то с края нарисовалась еще одна – ворвалась в нежный танец, отбила одну... и потопила другую.

– ...А еще ты должен помнить Лану... – донеслось до меня уже из привычного далёка.

– Лану? – оторвал я взгляд от чая.

– Вы с ней дружили, когда вам было по восемь... Лазили по камышам за утками...

Я вежливо усмехнулся, и это словно опустошило. В эту секунду едва не взвыл от тоски – так сдавило внутри. Я даже не думал, что меня зацепило настолько. Казалось, Вику отдать было невыносимо тяжело. Арджиев ее мучил поначалу, а я готов был себе хвост отгрызть за тупость и нерешительность. Будь я настойчивей...

– Черт... – тихо ругнулся и протер лицо.

Меня снова утаскивало в прошлое. И ведь все уже были счастливы и на месте, значит, не о чем жалеть. Только я счастлив не был. А этот год с Лали выкрутил меня морально досуха.

– ...Она вернулась в пригород недавно. Одна...

– Кто? – очнулся я.

– Лана.

– Если у нее нет медвежонка, рожденного от какого-нибудь медведя, и проблем с этим медведем, то у нас нет шансов...

– Кажется, нет, – тихо выдохнула она, округлив глаза.

– Тогда точно ничего не выйдет, – заполнил я неловко паузу и поднялся. – Пойду посплю...

* * *

Исследовательский институт Клоуенса – место, где мне предстояло отбывать наказание за мою свободную жизнь – на удивление благодушно приняло меня, как блудного сына.

– ...Отделение реабилитации перенесли на четвертый этаж, – рассказывала Шарлиз, заведующая кафедрой иммунологии и моя фанатка. Она шла впереди по коридору, наверняка рассчитывая, что я оценю не только свежий ремонт в крыле, но и ее короткую юбку, позволяющую продемонстрировать слишком много преимуществ кафедры сразу. Когда-то я велся на все это. Но сейчас хотелось безудержно зевать.

– Что, спасенных стало настолько больше? – скептически заметил я.

– Ну, ты тут не единственная надежда, – обернулась она, призывно усмехнувшись. – Мы тоже работаем.

– Молодцы, – напыжился я, сложив руки на груди. – А кофе тут такой же вкусный?

– Тяжелая ночь? – сощурилась она.

Я привык не спать ночами с сыном Лали. И все не мог отвыкнуть – вскидывался каждый час, потому что мне казалось, что приборы взвыли.

– Да. Какие мои годы?

– Ну пойдем, – кивнула она вперед. – У тебя сегодня единственный пациент.

– Пациент? – усмехнулся я. – С каких пор мне доверяют пациентов?

– Все знают, что в некоторых вопросах ты лучший, Джастис. – Ее голос наполнился призывным урчанием, и вдоль позвонков прошла волна такого возбуждения, что я аж с шага сбился, а Шарлиз и вовсе остановилась. – Ты что?

– Ничего, – процедил, зло глядя ей в глаза.

– Ты...

– Не твое дело, – прорычал.

Я уже и не помнил, когда трахал кого-то. Кажется, это было после приезда в Аджун... А потом стало не до того. Потому что когда хочешь конкретную женщину, никакие другие не интересны.

Наверное, я никогда не любил Вику. Она меня восхищала и была слишком далека. На такую можно было только смотреть, но не трогать руками. Я знал, что в подметки ей не гожусь...

А вот с Лали было все иначе. Она была слишком близко – теплая, нежная, ласковая, умная... Она была моей от кончика носа до хвоста, которого у нее нет. Но я не мог ее тронуть – благородство не позволило. И да – я был рад тому, что не тронул и не усложнил все. Она заслуживала счастья. А я продолжал воротить нос от всех, не в силах переключиться и выкинуть эту одержимость из головы.

Шарлиз еще немного похлопала глазами – конечно, она почувствовала мой отклик, но через мою агрессию не переступит.

– Ты изменился, – только и заметила она, отворачиваясь.

– Наверное, – недовольно бросил, следуя за ней. – Что за пациент? Никогда не поверю, что мне отдали кого-то просто так. Сами не справились?

– Там сложный случай. Из тех, что я знаю. И диагноз конфиденциальный.

– Конфиденциальный? – поравнялся с ней.

– Да, – надула собеседница губы. – Отец пациентки – спонсор института. В курсе диагноза только Найвитц...

Теренс Найвитц – глава исследовательского отдела института и мой негласный враг, которого я на дух не переносил. Неприязнь была взаимной. Найвитцу были поперек горла мои свободные перемещения между двумя государствами, а мне – его трусливая политика в рамках строгих правил и директив. Этот не сделал ни единого смелого шага за свою карьеру. Но зато при нем институт не успевал открывать все новые кафедры за счет множившихся спонсоров.

– Интересно, чего это будет стоит спонсору? – зло усмехнулся я.

– Ты точно такой же самовлюбленный сукин сын, как и Найвитц, – вдруг заявила Шарлиз. – Поэтому вы с ним и не можете на общем поле.

– Не поэтому.

– Да брось!

Слева коридор перешел в прозрачную стенку, за которой можно было разглядеть столики. Призывно запахло кофе.

– У тебя полчаса, – бросила мне Шарлиз, – потом босс тебя ждет.

– А ты время не теряла, – заметил я мстительно ей в спину.

– Сволочь ты, – обернулась она и зашагала по коридору.

Наверное, я был неправильным котом. Или меня просто крепко приложило. Но я устал от этого постоянного предложения секса в любых вариациях. Зажрался. До тошноты. Длительный целибат пошел на пользу, как программа детокса, но дальше так было нельзя.

Кабинета мне не предоставили, как обычно. И я внаглую обосновался в кафетерии. Где меня и нашел Найвитц.

– Карлайл...

Я только поднял на него глаза от монитора ноутбука и потянулся за остывшим кофе:

– Я тоже не рад тебя видеть...

Теренс усмехнулся. Как всегда – идеальный, в костюме под халатом и с надменно перекошенной рожей. Мы одного возраста, но я с удовольствием отмечал, что добыча спонсоров сказывается на его физиономии не лучшим образом.

– ...Как твоя печень? – сузил глаза. – Давно проверял?

Жаль, что он не претендовал на самый блестящий ум академии – сейчас бы рвал и метал, что ему пришлось подключать меня к какому-то делу.

– Смотрю, ты в форме, – усмехнулся он. – Она тебе понадобится. Пошли.

Но я не пошел с той скоростью, на которую рассчитывал он, и ему пришлось ждать, пока я соберу вещи со стола.

– Скажи, это какая-то эротическая игра – искать меня по закоулкам академии? Ты поэтому не даешь мне кабинет?

– Будет тебе кабинет.

– Боюсь, не за такую цену.

– Тебя никогда не спрашивают. Ты же зарабатываешь на свободу, Карлайл.

Обмен любезностями не принес удовлетворения, и в лифте мы уже выдохлись, одинаково скиснув рожам.

– Так в чем дело?

– Дело будет конфиденциальным. За нарушение грозит заключение. Тебе. – Я уже было набрал воздуха в легкие, чтобы разразиться непристойностями, когда он добавил: – И мне.

– Ты шутишь.

Выдох получился несуразно длинным.

– Если бы, – закатил он глаза и вышел в диагностическом крыле.

Надо сказать, тут уж мне стало интересно, но совсем не суть дела. Какого черта кто-то решил, что я соглашусь на такую ответственность?

– Теренс, я не буду этим заниматься, – уперся я посреди коридора.

– Ну-у... тогда ты едешь сейчас в консульство и подписываешь бумаги о невыезде на десять лет, – жестко возразил он. – А академия лишится тридцати процентов взносов от сенатора Райта. Мне закроют детское отделение, диагностику...

– Что происходит? – зашипел я, обрывая его. – Какого черта я стал козлом отпущения?

Не нужны мои научные работы – выкиньте меня из института!

– Нет такой опции! Президент сказал оказать максимально возможную помощь!

– Ценой моей шкуры?!

– Ты оглох?! Моей – прежде всего!

– Да откуда мне знать?!

– Думаешь, я бы давил тебе на жалость угрозами в мой адрес?! – зло усмехнулся он. – Все серьезно, Джастис. И ты – последний спец, с которым бы я работал в этом деле. Но выбрали тебя.

– Не могу нарадоваться...

– Материальная компенсация хорошая. Если это тебя утешит. А еще бонусом тебе – пять лет свободы без возвращения в Клоуенс.

– И какие критерии? – не сдержал сарказма.

– Удовлетворенность пациента.

– Так это раз плюнуть, Теренс, – злился я.

– Ну вот и посмотрим.

И он зашагал вперед. Ничего не оставалось, как направиться следом.

Глава 2

Было холодно.

Я переводила взгляд с одной детали кабинета на другую, стараясь не смотреть в окно. Казалось, моя жизнь остановилась.

С того утра, когда я проснулась под забором в элитном районе, прошло четыре месяца. И каждый день напоминал отдельную главу какой-то жуткой кошмарной истории. Я пыталась с этим бороться, потом – просто жить. Но силы кончились. Находить себя наутро в ошметках постельного белья, матраса и всего, что было рядом – ни с чем не сравнимое ощущение.

Я думала, что мое генетическое отклонение – самое большое потрясение в жизни. Но ошибалась.

Я росла в семье блистательного политика. Единственная дочь сенатора Райта могла иметь все самое лучшее. Лучший детский сад, колледж, лучших друзей и лучшие цели в жизни. Надо сказать, оправилась от новости о неполноценности я достаточно быстро. Ну и что, что я не могла оборачиваться? У меня было все, о чем другие могли только мечтать – дом, любящая семья и потрясающие возможности. К пятнадцати годам я объездила весь мир – малодоступная опция даже для тех, у кого было столько же денег. Мой день был расписан по секундам. Я училась на юридическом, занималась стрельбой из лука и огнестрельного оружия, ходила с охотничьим клубом в походы, прыгала с парашютом...

Но только сейчас поняла, что вся моя бурная деятельность – просто попытка компенсировать уродство.

Но я не могла не рискнуть. И когда пришло время выбрать мужчину – я тоже выбрала лучшего. И плевать хотела на то, что он занят.

Рэндольф Сазерленд – ведущий юрист коллегии адвокатов при президенте Клоуенса. Обворожительный, остроумный и притягательный зверь, от которого просто не отвести взгляд. А я не знала слова «нет». Да и он мне ни разу его не сказал.

Это было... сказочно. Трясущаяся от страха быть отвергнутой, я приблизилась к нему на одном приеме и даже слова не смогла сказать. А он смотрел на меня темным взглядом, от которого в равной степени хотелось бежать и замереть, сдаваясь. Тогда мне казалось, что этот роман – самое главное в моей жизни. Все, ради чего я вообще появилась на свет – пропадать в лапах этого заоблачно потрясающего мужчины. Понятия не имею, как скрывал все это от своей семьи он. Я же сутками валялась в постели, укутанная его запахом. Сердце рвалось на части, стоило подумать, что все это кончится...

...И, кажется, все же разорвалось. Потому что теперь я будто онемела.

Четыре месяца я не выходила из дома никуда, кроме очередной поездки в исследовательскую академию. Меня обследовали так, как не обследовали прежде. Но надежды, что мне могут помочь, не осталось ни у кого.

Даже отец, стоявший теперь у окна и взиравший куда-то вдаль, молчал.

Когда он узнал о нас с Рэном, пригрозил ему такой расправой, что у меня кровь застыла в жилах. Понятия не имею, как мне удалось до него докричаться и убедить не трогать Рэна. Я брала всю вину на себя, убеждала, что одна являюсь причиной всей этой ситуации. Он обещал, что не тронет... Но все же встречался с ним. Не знаю, о чем они договорились, но Рэн покинул пост коллегии...

...И наступила еще более зловещая тишина. Конечно, я не надеялась увидеть его еще когда-нибудь. Но тогда мне обрубили всякие «быть может», которые, как оказалось, держали меня и не давали захлебнуться.

– Пап, может, поедем отсюда? – подала я голос.

Он резко обернулся и отчаянно глянул на меня:

– Мне сказали, он лучший, – жестко напомнил он. – Если не сможет – тогда и поедем.

Я только сцепила зубы и вздохнула, переводя взгляд в окно. Мне было уже все равно. Я привыкла.

А еще у меня был план. Побега. Самое болезненное – смотреть, как мучаются со мной родители. Как стелят каждую ночь кровать, не позволяя уйти в клетку, что я себе заказала... Матери стало плохо, когда мне ее доставили. Она кричала так, как никогда раньше – страшно, с воем и слезами, что только через ее труп она мне позволит там спать. И я продолжала стойко делать вид, что все по-прежнему. Будто я сумасшедшая. Только и всего.

– Надеюсь только, что ты не начнешь с запугиваний, как с директором академии? – усмехнулась я.

Отец только глянул на меня сурово, но ничего не сказал.

Входные двери открылись, и внутрь вошли двое. Первого я уже знала – тот самый запуганный директор. Он мазнул по мне недовольным напряженным взглядом и посторонился, пропуская второго:

– Мистер Райт, мисс Райт, – обратился он к нам, – разрешите представить вам Джастиса Карлайла – специалиста по генным мутациям и выдающегося ученого в области женского репродуктивного здоровья...

Не ожидала, что этот специалист окажется таким молодым. И таким дерзким. Отец протянул ему руку, но он только пожал плечами, усмехнувшись – его руки были заняты вещами, которые обычно стоят на рабочем столе. Его начальник раздраженно выдрал из его рук ноут, чтобы рукопожатие состоялось, а с моих губ сорвался смешок. Да уж, действительно – выдающийся специалист.

– Робин, – укоризненно качнул головой отец.

– Все нормально, – улыбнулся «выдающийся специалист». – Способность веселиться, будучи в кабинете моего начальника – признак здоровой психики.

Его начальник в этот момент особенно громко приложил отобранным ноутбуком об стол.

– А у вас слаженная команда, – оскалилась я и протянула доктору руку: – Робин.

– Джастис, – пожал он ее осторожно, улыбаясь, и вдруг добавил: – Мы с ним не команда – он меня шантажирует.

– Мистер Карлайл! – укоризненно скривился его босс.

– Нет-нет, продолжайте, – сложила руки на груди, усмехаясь. – Чем вам пригрозили в случае неудачи со мной?

– Робин, – угрожающе предостерег отец. – Позволь мне...

– Что? – перебила с вызовом я. – Угрожать врачам, которые могут мне помочь? Думаешь, они так лучше работать будут?

– Робин, давай потом поговорим...

– И чем вам угрожают? – потребовала я у своего доктора.

– Знаете, мне постоянно чем-то угрожают, я привык, – мягко улыбнулся он. – И хуже точно не буду работать...

– Мистер Райт, – влез его коллега, – мисс, не стоит переживать по поводу условий, на которых будет работать доктор Карлайл. Уверяю вас – его заинтересовали не только материальной компенсацией, поэтому давайте перейдем к делу...

Переходить к делу было всегда непросто. Для меня это значило, что меня ждет ряд неприятных препарирующих признаний, каждый раз возвращающих меня в то утро.

– Доктор Карлайл еще не в курсе дела, – заметил главный. Неприятный, кстати сказать, тип.

– Тогда давайте мы с ним и поговорим, – предложила глухо.

Доктор пристально глянул на меня, потом перевел взгляд в окно. Будто ему и не интересно вовсе. Ну и так даже лучше – какая мне разница, если я все равно планирую сбежать?

Отец наградил меня долгим недовольным взглядом, будто хотел прочитать мысли, но в итоге кивнул. Новый доктор ему явно не нравился – не трепетал перед его авторитетом и вообще чхать хотел на угрозы.

– Хорошо. – И он обратился к главному: – Организуйте им комфортные условия для разговора и необходимых обследований.

– Мой кабинет подойдет, – ехидно усмехнулся Джастис.

– Ну да, – неприязненно скривился его начальник и направился к столу. Через один звонок и пятнадцать минут мы с ним сидели один на один в просторном кабинете, ничем не уступающем предыдущему. Только к нему примыкала индивидуальная смотровая.

Я ожидала, что док будет доволен, но он только брякнул свой компьютер на рабочее место и повернулся ко мне:

– Рассказывай.

Сам присел на край стола и сложил руки на груди. Значило ли это профессиональную готовность слушать или абсолютное равнодушие к моему делу – понятия не имела. Да и мне не было интересно.

– Можно сначала вопрос? – И я сложила руки в карманы штанов. Обратила внимание, что он даже не предложил мне присесть, но я бы и не смогла. Так хорошо меня чувствовал? Или чхать хотел? – Чем вам угрожают и что нужно сделать, чтобы вы остались довольны?

Он удивленно вздернул бровь:

– Думаете, так безнадежны?

– Уверена. Вы не должны за это платить.

– Справедливо. Но я бы хотел сам решить.

– Этого не требуется, – спокойно взглянула в его глаза. – Я больше не хочу, чтобы меня лечили, осматривали, брали анализы и тестировали. Я устала. Ничего личного, но я больше не верю в то, что мне помогут.

– Я вас понимаю, – потер он подбородок, тронутый легкой щетиной. – И что вы предлагаете?

– Я предлагаю имитацию бурной деятельности. Мы с вами встречаемся здесь, вы делаете все, чтобы прикрыть свой зад... Мне кажется, у вас, уж простите, большой опыт в подобном... – В этом месте он оскалился, не спуская с меня взгляда. – А потом объявляем, что я неизлечима. И все расходятся.

– А вдруг с меня потребуют других результатов? – довольно усмехался он.

То ли плохо его запугали, то ли ему действительно было плевать и нечего терять. Впервые видела доктора, который вообще не старался мне сочувствовать.

– Невозможно. Я неизлечима. Все это знают. А это все – просто последняя надежда моего отца. Вам не повезло попасть ему в рекомендации.

Он пытливо на меня взглянул и неожиданно кивнул:

– Договорились. Но тесты придется делать настоящие, поэтому ваши надежды на то, что мне не придется вас обследовать, несостоятельны. Или ваш план не сработает.

– Что угодно, – пожала я плечами. – Главное – мы оба знаем, что никто не питает иллюзий.

– Иллюзии вообще опасная вещь, – неожиданно заметил он.

Взгляд его при этом потух.

– Именно, – согласно кивнула я. – Я устала от них. Хочу просто принять все, как есть.

– Я вас понял, Робин, – серьезно кивнул он. – Критерий, по которому будут судить мою работу – только ваше итоговое мнение. Скажете – меня казнят.

– И почему вы такой спокойный? – восхищенно усмехнулась я.

– Ну а смысл мне суетиться? Моя профессия состоит не в том, чтобы делать женщин довольными. Даже не так – я в этом ничего не смыслю, как показывает опыт.

– Тем лучше, – кивнула я, чувствуя себя неожиданно расслаблено. Я так нервничала и дергалась, что меня снова пустят по кругам ада, что даже не поверила в согласие доктора. – Тогда давайте приступим?

– Давайте, – вздохнул он тяжело. – Но мне все равно нужно знать, от чего вас пытались лечить. Тесты должны быть адекватными.

– Вас будут контролировать, – догадалась я.

– Еще бы, – усмехнулся он.

– А этот ваш босс... Он вам завидует, да? – Не знаю, почему я вдруг позволила себе столь личный вопрос.

– Не думаю, – с готовностью отозвался он. – Я вообще о нем не думаю. Да и завидовать нечему.

– Ну не ему же выпала столь сомнительная честь. Не на него возложили надежды...

– Он привык к этому. Хотите кофе? – сменил он тему.

– Давайте, – согласно кивнула я. – Папка с предыдущими обследованиями смягчила полет вашего ноутбука.

– О, – оглянулся он за спину. – Неужели? А я думал... Хм...

Я нехотя улыбнулась тому, как его брови поползли вверх, пока он вытаскивал талмуд о моей болезни из-под своих вещей. Симпатичный доктор, кстати сказать. Около тридцати ему, но взгляд какой-то слишком сложный, дикий, неприрученный.

Кажется, не я тут буду правила устанавливать. И это не нравилось...

Когда принесли кофе, я устроилась с ним на кресле, поглядывая на доктора с моей папкой. Он к своей чашке даже не притронулся, поглощенный данными. На меня не взглянул ни разу, хотя я ждала его внимания. Но только не того вопроса, который последовал:

– Ты его до сих пор любишь?

Я опешила, потеряв дар речи. Откуда он узнал?

В папке были просто описаны симптомы – неконтролируемые обращения и полная амнезия по утрам, а еще предистория моего заболевания времен подростковых изменений. Но ни слова о том, что послужило толчком к началу этого ада.

– Простите?

Он вздохнул и покачал головой:

– Начала обращаться, когда потеряла девственность, так?

– Мы же договорились, – раздула я ноздри.

– Я все еще занят подбором адекватного алиби с учетом наших договоренностей, – откинулся он на спинку кресла и хмуро взглянул на меня. – Или ты думаешь, что обойдусь парочкой анализов крови? Это не ко мне.

– Да, – недовольно кивнула я.

– Ну, то есть, все врачи до меня это знали, – и он снова подтянул к себе папку. – Но здесь нет никаких об этом заметок... Где осмотр гинеколога?

– Это конфиденциальная информация, – напыжилась я.

– Это прекрасно. Тогда почему бы тебе не обратиться к белоглазому шаману с Заячьей горки?

– Может, не стоит со мной так разговаривать, доктор? – поднялась я с кресла.

– Может, и не стоит, – смерил он меня взглядом. – Но я не позволю тратить мое время. Либо ты принимаешь тот факт, что я – твой доктор, и говоришь мне все, либо твой папочка найдет кого-то еще...

– А ты? – усмехнулась я. – Он же тебе чем-то угрожал...

– И тебе правда есть разница? Сколько врачей, которым не дали всех карт в руки, полегло на твоём пути?

– Нисколько, – пожала я плечами. – Особенный только ты.

– И я теперь должен за это заплатить? Правда?

Его взгляд метал тихие молнии, и это показалось мне опасней, чем если бы он возмутился в голос.

– Что ты хочешь знать? – нахмурилась я, складывая руки на груди. – Привязана ли я к тому, кто стал моим первым?

– Мне не важно, сколько у тебя их было после, – потянулся он к ручке в нагрудном кармане. – Мне важно, кто был первым и испытываешь ли ты к нему чувства.

– У меня был один мужчина. Да, испытываю чувства. – Сухо не вышло – голос дрогнул. Я не сразу обратила внимание, что этот въедливый тип смотрит на меня пристально, но его взгляда выдержать не смогла.

– Ты с ним не встречаешься. – Это был не вопрос. – Что случилось?

Я напряженно вздохнула. Но все же наш разговор был конфиденциальным, и за пределы этого кабинета моя история не выйдет.

– Мы не можем быть вместе, – подняла голову, снова встречая взгляд из-под бровей.

– Первый оборот случился при расставании?

– Да.

Я знала, что мой зверь рвется к Рэну. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться. Но никому из докторов такой истории мы не рассказывали.

Этот уникам протер лицо, глядя на какой-то лист из папки:

– Тут нужен психолог, а не генетик, – заключил вдруг неожиданно.

– Серьезно? – скривилась я. Хотя, а что удивительного? Я все еще страдала от болезненной привязанности и обиды к мужчине, которому была нужна не более, чем для временного пользования.

– Серьезно, – сурово глянул он на меня. – Твои обороты – только часть проблемы, и они действительно по моей части. Но, может так случиться, что я не помогу тебе перестать оборачиваться неосознанно. А вот то состояние, в котором ты находишься, абсолютно точно и запустило этот процесс, в котором ты мучаешься сейчас. Убирать психологическую составляющую важно.

– Мы договорились на фикцию, – напомнила я.

– Но тебе плохо, – подался он вперед. – А я предлагаю шанс попробовать облегчить состояние.

Невозможный тип. Теперь он нашел в себе сочувствие ко мне?

– Давай вернемся к прежним договоренностям? – обрубил я. Хватит с меня сочувствия. Уж лучше бы он продолжал изображать полное наплеватьство на меня и весь этот центр вместе взятых.

– Ладно, – пожал плечами наконец доктор, отодвигая папку. – Тогда пойдем брать кровь...

– Ты же сказал, что за этим не к тебе, – возмутилась я.

– Ну надо же с чего-то начинать, – пожал он плечами. – Пошли...

Я нехотя прошла за ним в процедурный кабинет, привычно содрогаясь внутри. За время этого ада запах антисептиков отбил все другие – они заменили мне воздух. Иногда ловила себя на том, что хочу переехать в больницу, чтобы привыкнуть уже ко всему этому и не дрожать... Но это бы значило сдаться. А сдаваться я не собиралась.

* * *

– Ну, как прошло? – Найвитц заявился в кабинет почти сразу, как вышла Робин.

– Наверное так, как ты и задумал, – перевел на него взгляд. – А приятный ракурс – я сию, ты стоишь...

Он закатил глаза и опустил в кресло, в котором еще недавно сидела Робин.

Я был уверен, что меня сложно удивить после всего, что я повидал в Смиртоне. Но Робин удивила. Прежде всего тем, что в ее случае я был бессилён. Полностью. И именно это, пожалуй, и зацепило.

– Что думаешь? – потребовал он.

– Что мы с тобой сядем. Если ты не наврал, конечно...

– Наврал, конечно, – закатил он глаза. – Надо же было тебя мотивировать.

– Ты ни черта не смыслишь в мотивации сотрудников, Теренс. – Говорить с ним не хотелось. Мне хотелось пойти в город, посидеть в каком-нибудь баре, выпить... и подцепить какую-нибудь сговорчивую кошку. Наверное, Робин отрезвила меня, наконец. Звучало паршиво, но я понял вдруг, что трачу время впустую, в то время как у Робин его вообще нет. Сложно представить условия, в которых она живет. Как это вообще – оборачиваться ночами и не помнить?

Это как если бы я бежал в беспамятстве к Лали ночами. Сама мысль об этом ставила шерсть дыбом, а ведь она меня не бросала. Мы были никем друг другу, временным пристанищем... А этот тип, к которому рвалась Робин в звериной ипостаси, ее бросил. Я не знал подробностей, но был уверен, что там какая-то драма, с которой девочка не может справиться.

А девочка-то хорошая. Со стержнем такого диаметра, что зубы сломаешь. И она что-то задумала. Звучат ее слова слишком обреченно, согласно с обстоятельствами. Она приняла их в отличие от ее отца. Странно, что не он сидит сейчас в моем кресле, а только Найвитц.

– Почему ее не водили к психотерапевту?

– Водили.

– Почему нет записей?

– Семья считает их конфиденциальными...

– Теренс, я на каком-то шоу «угадай диагноз» по цвету пальца? В какие эротические игры ты тут играешь с ее папашей?

– Тебе до таких далеко. Что по делу?

– Взял анализы, – прикинулся я идиотом, разводя руками. – А секретарь у меня будет?

– Обойдешься, – поднялся он. – С тебя отчеты после каждого ее визита. Ежедневного.

– Ага, жди... – огрызнулся я.

Только в баре я понял, что потерял и желание и квалификацию. Обманывать себя я разучился еще с Викой. С Лали отточил эту способность. Надираться тоже не хотелось. Я откровенно не понимал, что тут забыл.

– Молока, – глянул бармену в блестящие в софитах глаза. Но тот не разделил сарказма моих собственных инсайтов, и мне пришлось убраться к чертям. А точнее – ломать голову над загадками Робин Райт. Я забрал ее дело с собой, слишком хорошо себя зная – если не напьюсь и не загуляю, буду изучать и придираюсь всю ночь. Так и вышло.

Я пришел домой и сразу полез в папки с карточками своих пациенток, хранящиеся на ноуте. В Смиртоне через меня проходили оборотни с разными вариациями отклонений – люди изучали наши слабости, а я изучал и копался во всем, то попадало в лапы. Мне тоже были важны слабости... Но такого яркого нарушения, как у Робин, я еще не встречал. Уверен, они фиксировались и ранее. А это значит, что мне не додают данных со всех сторон. Проблема была в том, что я слишком рано стал персоной нон-грата в собственном мире, не успел заручиться поддержкой, а, соответственно, и доступа к местным исследованиям у меня не было. Но это не значит, что я не могу их потребовать теперь...

Утро следующего дня я начал с требования предоставить мне все, что могло быть похоже на этот случай.

– Ты издеваешься, Карлайл? – У Найвитца ночка была ни к черту. – Что значит «похожие случаи»? Одинаковый вес? Рост? Толщина папиного кошелька?

Босс сидел в своем кабинете, держась за голову, и явно мечтал быстрее от меня отделаться.

– Короче, мне нужен доступ ко всей базе, – весомо заключил я, сложив руки на груди.

– Как бы тебе не хотелось, ты – не самый умный. До тебя уже сравнивали несколько дел с этим случаем...

– Интересно, что же тогда мне осталось?... – драматично закатил я глаза.

– Черт с тобой – будет тебе допуск, – прорычал Найвитц. – Иди отсюда!

Необходимость выдирать информацию зубами нервировала. Как можно лечить болезнь, историю которой прячут все кому не лень? В своих мыслях я вернулся в кабинет, и тут же обнаружил в кресле Робин. Она сидела, поджав ноги и уложив голову на локоть... и, кажется, спала. И почему-то не захотелось разрушать эту тишину. Мне все равно нечем было ей помочь, так смысл мучить?

Я прошел к столу и бесшумно опустился в кресло. Не собирался пялиться на Робин, но взгляд, вдохновленный какой-то новой мыслью, сам метнулся к ней и замер. Робин и правда спала. Смятая щека, приоткрытый рот и дрожащие ресницы вынудили мои губы дрогнуть в улыбке против воли. Она должно быть страдает еще и хронической бессонницей ко всему прочему. Почему, черт возьми, ей не предлагали помощь психотерапевта?

Врут же, что она показывалась специалисту...

– Ну и попадалово, – прошептал себе под нос для острастки, только чувствовал, что меня уже несло в эту тайну на полной скорости. Мне ведь нечего терять – никого нет. А это верняк, что сверну себе шею – Найвитц все же прозорливый и талантливый управленец.

Глава 3

Я вскинулась на кресле и вздохнула рывком, моргая. Кажется, уснула прямо в кабинете доктора.

– Вот черт...

– Кофе будешь? – послышалось тихое откуда-то сбоку.

Обернувшись, я обнаружила мужчину на диване. Он лежал на спине, повернув ко мне голову.

– Что вы делаете? – хрипло потребовала я, усаживаясь. Шея затекла и протестующе заныла.

– Жду, когда проснешься, – уселся доктор.

– Почему вы меня не разбудили?

– Ты же и так не высыпалась, – поднялся он и направился к двери. – Почему бы не дать тебе поспать?

Справедливо. И, судя по сумеркам за окном, проспала я так полдня. Впервые выпалась за эти четыре месяца. Странно...

Доктор Карлайл вернулся с двумя стаканчиками с кофе и в одной руке и сэндвичами в другой.

– И что, я спокойно спала? – подняла на него глаза, когда он протянул мне стаканчик.

– Абсолютно. Только больно было смотреть, как ты скрючилась... – Я проследила его мимолетный взгляд и только сейчас заметила сверток из пиджака, который выпал на пол, когда я заерзала. – Попытался тебя устроить...

– Спасибо, – съежилась я. – Давно я не высыпалась.

Он бросил на меня внимательный изучающий взгляд, но тут же отвернулся, усаживаясь за стол:

– Давай, ешь. И поедем.

– Куда?

– К дому твоего бывшего.

Я так и застыла с кофе в руках, позабыв обо всем:

– Зачем?

– Мне надо хоть с чего-то начать строить свои гипотезы. – И он, как ни в чем не бывало, откусил большой кусок от сэндвича.

– И какое отношение к этим гипотезам имеет чужой дом?

– Пфямофе, – промычал он с набитым ртом.

– Я никуда не поеду, – решительно возразила. – Мы же договорились.

– Ты не спасешь меня своими договоренностями, – неожиданно жестко парировал он. –

Мне грозит тюремное заключение за некомпетентность в твоём вопросе...

– Какого?... – моргнула я.

– Такого. Ты – просто повод.

– И ты только сегодня это узнал?

– Послушай, – нахмурился он. – Нам надо просто немного навести суеты, чтобы наше с тобой лечение выглядело более правдоподобно. Все знают, что я – гений, понимаешь? – нагло усмехнулся. – Я не могу просто взять анализы...

– Давай возьмем не просто анализы, – упиралась я, путаясь в иллюзиях. Карлайл казался то доступным простым собеседником, то совершенно чуждым пугающим незнакомцем, которому и слова против не скажешь. Он сбивал с толку.

– Давай ты не будешь меня учить? – снова нахмурился он. – А то я же тоже могу папочке сказать, что не могу работать в условиях странных договоренностей!

– Так он тебе и поверит, – задохнулась я от возмущения.
– Поверит, – уверенно пообещал он. – Родители – не идиоты, они все видят.
– Какой же ты... – презрительно сузила я глаза.
– Какой? – оскалился он недобро. – Умный? Неотразимый?
– Сволочь ты, доктор Карлайл.
– Это первая строчка в моем резюме, – сморщился он. – Ешь давай, а то поедешь голодная.

– Никуда я не поеду! – зарычала я, поднимаясь.

Сама мысль о том, чтобы вернуться к дому Рэна выстужала все внутри и повергала в ужас. И этот доктор все это видел!

– Что ты задумала? – прищурился он. – Покончить с собой? – Не знаю, как, но ему понадобилась секунда, чтобы все понять. – Сбежать?

– Ты понятия не имеешь, каково это, видеть каждый день лица родителей по утрам!.. – заорала я, опираясь на стол. И уже было развернулась, чтобы вылететь пулей из его кабинета, когда он поднялся мне навстречу:

– Если я облажаюсь – помогу тебе сбежать.

– Что?

– Что слышала.

– Я не хочу лечиться!

– А я и не собираюсь тебя лечить. У меня нет опыта и знаний.

Я обескураженно хмыкнула. Ни один врач до него не признавался, что у него нет опыта и знаний – все брались с энтузиазмом тратить папины деньги.

– Дай мне неделю.

– Всего неделю? – недоверчиво переспросила я.

– А в чем сомнения? – И он снова расплылся в улыбке. – Прошло всего полдня, а ты уже со мной спишь.

А я и не помню, когда улыбалась последний раз. Но тут было не устоять – доктор восхищал. Меня шокировала его наглость, с которой он пер напралом. А еще эта его манера бомбить из всех орудий сразу – он то угрожал, то уговаривал, то поднимал ставки до заоблачных, которые мне нечем было крыть.

– Ну, тогда, полагаю, сбежать будем вместе, – мстительно заключила я.

– Я подумаю над твоим предложением, – победно оскалился он и поднялся. – Поехали.

Сон вернул мне отголоски здорового аппетита. Я купила себе еще кофе с сэндвичем и нагло уселась с ними на переднее сиденье его тачки. Мало ли, как дальше пойдет – надо ловить момент.

– Вот только не кроши в машине, – усмехнулся он, выкручивая руль со стоянки. Машина у него была как раз для побегов – вместительная, высокая. – Куда ехать?

– Сначала объясни, зачем мы едем? Между прочим, для меня это не так просто...

– Это не так просто только потому, что ты слишком серьезно к этому относишься, – как ни в чем не бывало, вел он машину.

– Отлично. Мы завалимся на газон к моему мужчине и устроим там представление с клоунами?

– Нет, – нахмурился он. – Куда ехать?

– Сворачивай на Летто-драйв, – нахохлилась я и отвернулась в окно. Аппетит пропал.

* * *

Дом ее мужика был крайним по улице. Дальше начинался лес. Я бросил машину за квартал, чтобы наблюдать за всей клинической картиной по мере приближения к главному страху

Робин. То, что она не хотела идти вообще, не в счет. За пару домов начала мерзнуть и кутаться в куртку, а когда массивные ворота оказались в поле зрения, остановилась и ринулась в кусты противоположного палисадника.

Я шагнула за ней, раздвигая ветки, и обнаружил ее у стенки.

– Мне плохо, – выдохнула она, глядя в ту сторону, откуда мы пришли.

Я бросил рюкзак на траву и сел у ее ног:

– Слушай. – Дождался, когда она посмотрит мне в глаза и продолжил: – Единственный способ избавиться от этого кошмара – пройти через него.

– Что это значит?

– Это значит, что сегодня мы дошли почти до ворот. Честно, думал, ты вообще откажешься...

– Я и отказалась! – рявкнула она.

– Но ты же здесь, – посмотрел на нее спокойно.

– Что ты задумал?

– Что в конце недели ты постучишься этому ублюдку в ворота и наденешь торт со взбитыми сливками ему на голову.

С ее губ сорвался смешок.

– Я и сейчас могу. Это глупо.

– Не можешь. И это не глупо. Он – средоточие твоего стресса, страха и загубленной жизни, как ты думаешь.

– Я превращаюсь в зверя ночами, Карлайл! – воскликнула она и зашагала обратно.

Я подхватил рюкзак и последовал за ней, но не спешил. Смотрел, далеко от меня убежит? В десяти шагах ей стало неуютно, и она обернулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.